

ПИСЬМА ИЗ 1999-ГО

Семейная сага. Ретро-детектив. Женская проза.

Аревик Парсамян

ПИСЬМА ИЗ 1999-ГО
Семейная сага. Ретро-
детектив. Женская проза.

«Автор»

2026

Парсамян А.

ПИСЬМА ИЗ 1999-ГО Семейная сага. Ретро-детектив. Женская проза. / А. Парсамян — «Автор», 2026

Ей было пятьдесят, когда она поняла, что никогда по-настоящему не знала свою мать. После смерти Веры Петровны дочь Елена приезжает разобраться вещи. Она ждёт привычный быт тихой библиотечарши. Но в старом сундуке — пачка писем без обратного адреса, фотографии незнакомых людей, долговые расписки и конверт с крупной суммой на чужое имя. Письма датированы 1999 годом. Лихое время, когда мать, как казалось Елене, просто работала и растила дочь. Но строки, написанные дрожащим почерком, рассказывают другую историю. О женщине, которая в девяностые помогала тем, кому больше не к кому было обратиться. О выборе, стоившем слишком много. О тайне, которую она унесла в могилу. Елена отправляется по следам матери. Встречает людей с общим прошлым. И понимает: чтобы простить мать, её придётся сначала узнать. Книга для тех, кто задавался вопросом: а знали ли мы своих родителей?

© Парсамян А., 2026

© Автор, 2026

Аревик Парсамян

ПИСЬМА ИЗ 1999-ГО Семейная сага.

Ретро-детектив. Женская проза.

ГЛАВА 1. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Поезд опоздал на сорок семь минут.

Елена стояла на перроне станции «Берёзки» и смотрела, как последний вагон медленно удаляется в серую августовскую дымку. Вокзал не изменился за двадцать лет. Те же облупленные скамейки, тот же запах сырости и дешёвых сигарет, та же надпись «Буфет» над закрытой наглухо дверью.

Она приехала хоронить мать.

Вера Петровна умерла во вторник, в три часа ночи. Соседка по лестничной клетке, тётя Зина, позвонила Елене в Москву и сказала одно слово: «Всё». Елена поняла без объяснений. Мать болела давно, но никогда не жаловалась — это было в её характере.

Похороны прошли в четверг. Пришли человек десять: пара соседок, бывшая коллега матери из библиотеки, и больше никто. Елена стояла у могилы и думала о том, как мало людей осталось в жизни её матери к концу. А ведь когда-то этот дом был полон людей.

Теперь ключи от квартиры лежали в её кармане, тяжёлые и холодные. Елена поднялась на третий этаж, открыла дверь и вошла в квартиру, в которой не была почти пять лет.

Запах. Вот что ударило первым. Запах матери — смесь нафталина, старого дерева и чего-то сладковатого, что Елена так и не смогла определить за все пятьдесят лет своей жизни.

— Мама, — прошептала она в пустоту.

Никто не ответил.

Елена прошла по комнатам. Всё было на своих местах: на кухне — чашка с отбитым краем, в спальне — аккуратно застеленная кровать, в зале — телевизор «Рубин» под кружевной салфеткой. Мать жила так, будто собиралась жить вечно.

Разбор вещей она отложила на завтра. Сегодня сил не было. Елена разделась, легла на кровать матери — та ещё хранила форму тела — и закрыла глаза.

Ей снился 1999 год. Ей было двадцать три. Она училась в Москве, приезжала домой на каникулы. Мать встречала её на вокзале, всегда в одном и том же пальто, всегда с букетом полевых цветов.

— Леночка, — говорила она. — Как ты там, в своей Москве?

— Нормально, мам.

— Кушаешь хорошо?

— Кушаю.

Они шли домой молча. Мать никогда не расспрашивала подробно. Елена тогда думала, что это равнодушие. Теперь понимала — это было уважение к её взрослости.

Утром она проснулась от стука в дверь.

— Елена? Это я, Зинаида Павловна. Я вам завтрак принесла.

Елена открыла. Соседка — круглая, седая, в цветастом халате — протянула ей тарелку с блинами.

— Кушай, деточка. Тебе силы нужны.

— Спасибо, тётя Зина.

— Я тут подумала, — соседка замялась. — Ты мать-то хорошо знала?

Елена удивилась.

— Конечно.

— Ну... — Зинаида Павловна посмотрела куда-то в сторону. — Ты её вещи разбирать будешь. Там, в спальне, под кроватью сундук. Мать всегда говорила — не трогать. Но теперь-то можно.

— Что в нём?

— Не знаю, деточка. Не знаю.

Соседка ушла, а Елена стояла в прихожей с тарелкой блинов в руках и чувствовала, как внутри нарастает странное, тревожное чувство.

Мать всегда была предсказуемой. Книжки, библиотека, огород, телевизор по вечерам. Никаких сундуков под кроватью. Никаких тайн.

Никаких причин прятать что-то от собственной дочери.

ГЛАВА 2. СУНДУК

Сундук стоял именно там, где сказала Зинаида Павловна — под кроватью в спальне, заваленный старыми одеялами и чемоданом с зимними вещами.

Елена вытащила его с трудом. Деревянный, окованный железом, с медной застёжкой, потускневшей от времени. Тяжёлый. Она поставила его на пол, села рядом и долго смотрела на него.

Потом открыла.

Первое, что она увидела — пачка писем. Много. Десятки конвертов, перевязанных бечёвкой. Конверты пожелтевшие, некоторые с марками, некоторые — без. Почерк на них разный: женский, мужской, торопливый, аккуратный.

Елена взяла верхний конверт. На нём — дата: 14 марта 1999 года. Обратного адреса нет. Только имя: «Вере Петровне».

Она вскрыла конверт дрожащими руками.

«Вера Петровна! Пишу вам в третий раз. Может, это письмо тоже останется без ответа, но я больше не могу молчать. Вы единственная, кто может мне помочь. Мне не к кому больше обратиться. Если вы получите это письмо, пожалуйста, ответьте. Я жду у телефонной будки возле магазина на углу каждый день с шести до восьми вечера. Ваша Надежда.»

Елена перечитала. Потом ещё раз.

Надежда? Какая Надежда? Мать никогда не упоминала никакой Надежды.

Она взяла следующее письмо. Дата: 22 марта 1999 года.

«Вера Петровна, я знаю, что вы добрая. Я видела, как вы помогли той женщине с ребёнком. Пожалуйста, помогите и мне. Я знаю, что это опасно. Но мне больше некуда идти. Он найдёт меня. Я знаю, что найдёт. Но если вы возьмёте Мишу к себе — хотя бы на время — я успею уехать. Я всё верну. Клянусь.»

Мишу? Какого Мишу?

Елена почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она сидела на полу в спальне матери, окружённая письмами незнакомых людей, и понимала, что не знает о матери ничего.

В сундуке было ещё много всего. Фотографии — чёрно-белые и цветные, некоторые подёрнутые желтизной. На одной — молодая женщина с ребёнком на руках. На обороте надпись: «Надя и Миша. 1999». Женщина улыбалась, но в её глазах стояла такая тревога, что Елена невольно отвела взгляд.

Долговые расписки. Несколько штук, на разные суммы. Одна — на пять тысяч долларов. Елена ахнула. Пять тысяч долларов в 1999 году — это были огромные деньги. Библиотекарша зарабатывала триста рублей в месяц.

И в самом низу сундука — конверт. Плотный, белый, с надписью: «Открыть, когда меня не станет».

Елена взяла его. Руки дрожали.

Она не стала открывать сразу. Отложила конверт на тумбочку, закрыла сундук и пошла на кухню. Села за стол, на котором когда-то делала уроки, и долго смотрела в окно.

За окном росла старая берёза. Мать её посадила в год рождения Елены.

— Мама, — прошептала Елена. — Кто ты была на самом деле?

ГЛАВА 3. ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Конверт «Открыть, когда меня не станет» Елена открыла только вечером.

Внутри было два документа. Первый — нотариально заверенное письмо. Мать писала:

«Леночка, моя родная. Если ты читаешь это — значит, меня нет. Прости, что я не рассказала тебе всё при жизни. Я боялась. Боялась, что ты не поймёшь. Или поймёшь — и возненавидишь меня. Я не смогла бы этого пережить.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.